

же они, но и елицы в доме (далее испорченное место «клитвостреи») живущих и сикор любящих, и сии такожде слышати ненавидят и яко нечистым духом одержими бесятся и не престанут от молвы, дондеже преминется сей праздник читати». Эти слова довольно образно рисуют нам чтение вслух «службы кабаку» в большой компании любитель хмельного питья, которые, узнав самих себя в герое сатиры, поднимают шум, чтобы заглушить неприятное чтение. В этом изображении на первый план выступает впечатление от обличения самого пьянства, питуха, а не кабака, как виновника спаивания. Да и трудно было ожидать, чтобы масса сразу осознала этот социальный момент сатиры. Привыкшие издавна к разным литературным формам обличения пьянства, слушатели, конечно, и здесь сразу должны были воспринять этот хорошо знакомый им мотив — пьянство грех, который губит душу. Резко реалистическое изображение этого греха не могло быть лестно и приятно завсегдатаям кабака, оттого они и «бесятся, яко нечистым духом одержими». Слишком в упор бьет их автор, напоминая, до какого падения доводит их кабака. Не в этой безнадежно опустившейся среде надо искать тех, кто мог оценить и другую сторону сатиры — бичевание кабака, этой «несытой у гробы». Родственники и вообще близкие, «питухов», т. е. люди того же класса, кто подавал челобитные на усердных целовальников, отпускающих вино в долг «не по животу и промыслам», кто исчислял убытки от пропитого и заложенного имущества, кто просил о закрытии кабаков, — вот кто мог оценить и понять Кабацкий праздник не только как осуждение пьяницы, но и как крик целой системы спаивания.

Но предисловие заграживает и еще одну существенную сторону нашей сатиры. Мы уже ставили выше вопрос о том, как в условиях русской жизни XVII в. могла появиться пародия на церковную службу. Оказывается, новая непривычная форма действительно вызвала у некоторых читателей смущение. Были люди, которые сочли «увеселительное» применение церковной службы кощунством «и от сего совесть немощна сущи смущается». «Таковыи да не понуждается к читанию», продолжает автор предисловия, «но да оставит могущему и читати и ползоватися». Вот эти смущающиеся и понудили нового автора вступить за своего предшественника, оправдать его добрые намерения, сравнив его с врачом, употребляющим яд «в мерном разтворении»: «и по сему не ель порочно сие изложение кабацкого праздника», так заключается эта защита. Однако, помня об этих соблазняющихся, новый редактор счел полезным к «смехотворному образу» прибавить «выписки из божественного писания о тех